

ЛЕГЕНДАРНЫЙ ДЕМИДЫЧ

«Кто не знает, кто не слышал о Демидовых, простых тульских кузнецах, потомки которых располагают громадными миллионными средствами и носят титул князей Сан-Донато?..

Родоначальником этой фамилии был Никита Демидович Антуфьев, тульский кузнец, из крестьян...

...Потомки, благополучно продолжая блестящее дело отцов, богатели, входили в знать; один из них даже породнился с Наполеоном I, женившись на его племяннице; иные прославились своим самодурством, иные обширною благотворительностью; но как бы то ни было, Демидовы в лице своих родоначальников оказали громадные услуги русскому горному делу».

Эти строки, написанные в 1897 году путешествовавшим по Уралу писателем Н. Д. Телешовым, можно уточнять и дополнять. С одним не поспоришь: кто не знает, кто не слышал о Демидовых?

Но вдумаясь; далеко ли простираются знания большинства из нас за пределы «слышанного»? А следом идет беда куда более страшная: утрата духовной связи с предками, теми, кто нравственным примером, созидательным трудом, биением беспокойной мысли сохранял от уныния более слабые души и воодушевлял их на свершения сильные. Из глубины небытия их бесплотные руки тянут к каждому из нас незримое зеркало. Вглядитесь, призывают они, ведь мы — это вы!

Все равны перед могилой, Богом, памятью. Равны по определению, по своей человеческой природе. И все же первыми вспоминаются те, кто ярче горел, чей свет в необозримых пространствах памяти и сейчас еще виден в туманной дали — будь то негасимое сияние души кроткого подвижника, яростный огонь хищного и удачливого дельца или разгоняющий тьму свет творца новых знаний, гармонических, доведенных до художественного совершенства мыслей.

Но кого же первым из числа ушедших своих земляков вспомним мы, туляки?

По вкладу в общечеловеческие ценности, по мировому резонансу творчества и учения, конечно, Толстого.

Но изменим критерий отбора: перечислим тех, кто в своей личности и биографии наиболее полно отразил собственно тульское начало. Кто не состоялся бы без Тулы (Толстой, надо думать, состоялся бы), и без кого многое не состоялось бы в самой Туле? Вне сомнений, это в первую очередь творцы тульского металла: знаменитые металлурги, кузнецы и механики — династии Баташевых и Мосоловых, Сурнин и Захава, Мосин и Токарев... И звезда первой величины в этом «железном созвездии» — Демидовы.

Три юбилея приближаются к нам из недалекого будущего. В 1996 году исполнится 300 лет первому заводу Демидовых — заводу, с пуском которого династия в лице ее основателя сделала первый серьезный шаг по пути из истории местной в общероссийскую. В 1995 году исполнится 250 лет со дня смерти Акинфия Никитича Демидова, достойного сына великого отца. Оба этих юбилея прямо связаны с тульской землей: на речке Тулице, чуть ли не в центре современного города стоял некогда завод-юбиляр, в Туле умер и похоронен Акинфий Демидов. Не забудем и о том, что жизнь первых Демидовых теснейшим образом связана с казенной Оружейной слободой, 400-летний юбилей которой придется также на 1995 год.

Юбилеи всегда заставляют более пристально взглянуть на историю, а на фоне истории — на себя. Не всегда открывающиеся при этом виды ласкают взор. Что делать... Впрочем, это когда дело касается позднейшей истории, нас самих «на фоне» прошлого. Мы же сегодня поговорим о той давней поре, куда эмоции лучше не допускать. Начнем рассказ с Никиты — того самого, который, по словам

краевода прошлого века Николая Андреева, «заслуживает воспоминания всех вообще и тулян в особенности».

Никита Демидов — фигура для петровской эпохи безусловно выдающаяся, хотя одновременно и типическая.

Исключительная предприимчивость, жесткая, подчас жестокая целеустремленность, блестящие организаторские способности, практическая сметка, подкрепленная разнообразными прикладными познаниями — эти качества неизвестного поначалу тульского кузнеца оказались необходимыми именно в такое время — во время мучительной, часто кровавой ломки отжившего (или казавшегося таковым) и созидания нового.

Отец Никиты у большинства биографов зовется Демидом Григорьевичем Антуфьевым (Антюфьевым, Антуфеевым), хотя историк тульской металлургии и металлообработки И. Х. Гамель (1826) называет его еще и Демидом Клементьевым.

Он был, как гласит традиция, крестьянином расположенного в 20 верстах от Тулы (так у четырех авторов, фактически же в 30 верстах) села Павшино, которое еще в начале семнадцатого века было известно производством железа и «уклада». Уже в конце 1660-х годов он был кузнецом, конкретнее — «ствольным заварщиком» в тульской Оружейной слободе.

У Демидова было три сына. О Семене и Григории почти ничего не известно. Много неясного и в биографии Никиты, особенно на ранних, тульских страницах. Впрочем, и знаем мы немало.

Начнем с выяснения, где родился Никита Демидов. При ответе на этот вопрос обычно ссылаются на историка В. Б. Кафенгауза, цитировавшего мнение Гамеля «о его происхождении из с. Павшина». Но Гамель, как и все писавшие на эту тему позднее, выводят из Павшина только отца Никиты. Да и слова Кафенгауза, если прочитать внимательно, говорят скорее о Демиде Григорьевиче, а не о его знаменитом сыне.

И. Афремов (1850), К. Головщиков (1881) пишут о рождении Никиты Демидова в Туле. Документально проверить это утверждение поддается с трудом. Кафенгауз, правда, обнаружил упоминание Демидыча Клементьева среди купцов Оружейной слободы в «сметных росписях» по Туле 1669 года. Но ведь Никите в ту пору было уже 13 лет.

И все же документ, говоривший о месте рождения Никиты, существовал. И была надпись на чугунной надгробной плите, всего лишь около полувека назад находившейся в помещении Николозарецкой церкви. В середине тридцатых годов при разорении усыпальниц Демидовых плита была утрачена. Но краеведы прошлого века опубликовали ее текст. А в нем сказано, что «Никита Демидович прозванием Демидов родился в граде Туле в лето от Р. Х. 1656 года марта в 26 день» (по новому стилю — 5 апреля).

Нет оснований подвергать сомнению это свидетельство. В принципе нельзя исключить появление каких-либо материалов об ином месте рождения Никиты, но коль скоро их нет, остается верить надгробной надписи.

Традиция утверждает, что начинал Никита простым работником у мастера-кузнеца. Но в одной из грамот 1691 года 35-летний «Никишко Демидов» обнаруживается среди трех выборных (со старостой во главе), посланных в Москву для защиты их интересов в земельном споре. Уже в то время он выделялся из массы простых ремесленников, населявших слободу, постепенно превращаясь в предпринимателя, занятого производством и сбытом оружия.

Еще в 1696 году у него была, по-видимому, небольшая, «домашняя» фабрика. Но, предположительно, в том же году он затевает строительство вододействующего доменного завода на Тулице близ ее впадения в Упу. Завод был основан «своими деньгами и проторми без споможенья и дачи дворцовых крестьян». То есть в это время Демидов уже был достаточно богат.

По преданию, разрешение на строительство завода дал лично Петр I, который познакомился с Демидовыми во время одного из посещений Тулы в 1695 или 1696 году. Кузнец, отличившийся в изготовлении заказанных царем алебард (по иностранному образцу сковал их якобы три сотни и привез через месяц в Воронеж), в дальнейшем не раз демонстрировал Петру свое мастерство, чем и заслужил его расположение. По легенде, царь даже посетил «Демидыча» (так он будто бы называл Никиту) в его тульском доме, побывал и на его фабрике.

В 1697—1701 годах, будучи хорошо известным в Москве, Демидов не раз привлекался Сибирским приказом в качестве эксперта по вопросам оружейного производства. Данные им заключения содержат сведения и о его заводе. Так, в марте 1701 года он упомянул о домне на своем заводе, через полтора года их было, возможно, уже две. В том же 1701 году он говорит с мастере Степане

Баташове, который лил у него пушки, упоминает о «пушечном гранатном» мастере. Стало быть, делались у него и гранаты. Ни «дощатого» железа, ни шпаг и багинетов (штыков) завод в то время не выпускал. А вот калькуляцию на изготовление фузеи Демидов представил без труда. Metallургия, следовательно, поглотила его полностью, оставались у него дела и в Оружейной слободе. Перед началом Северной войны, в июне 1700 года Демидов подал челобитную с предложением передать ему заказ на 500 пушек, о которых уже велись переговоры с другим заводчиком. Демидов брался делать эти пушки по полтине за пуд «против немецкого литья и против образца и чертежа, каков ему дан будет из приказа адмиралтейских дел». Петр, которому об этом сообщили в Воронеж, сформулировал требования к качеству пушек и потребовал, чтобы Демидов сделал образцы.

По именному дареному указу тульский завод, владеть которым Демидову первоначально было разрешено в течение 20 лет, был отдан ему 2 января 1701 года «впредь впрок безсрочно» с правом передачи по наследству. От Демидова потребовали увеличения плотины и расширения завода. Ему было разрешено строить на тех же местах и новые заводы. Никите безоборочно предоставлялся участок для рубки леса в Щегловской засеке в пять верст длиной и шириной. Здесь, а также в Малиновой засеке, он мог копать руду. Цель, которую преследовало государство, указ изложил так: «когда из иных государств (железа—И. Ю.) не привезут, чтоб скудости на воинские припасы и недостатку не было». Ускоренное развитие металлургии в центре и на окраинах страны должно было смягчить последствия сокращения импорта железа во время войны.

Занимаясь заводом, Демидов, вероятно, не оставлял и традиционное для Оружейной слободы производство. В 1702 году силами его учеников-оружейников делалось, по его словам, до 5 тысяч ружей в год. А ведь недавно, до 1696 года, тульские кузнецы должны были сдавать в казну всего 2 тысячи пищалей в год. Несомненно, деятельность Демидова по развитию местной металлургии способствовала прогрессу и в оружейном деле.

В июне 1701 года была запрещена рубка засечного леса — Петр решил сохранить его для кораблестроения. Завод оставался без топлива. Между тем, пятью годами раньше, передавая Демидову на экспертизу образцы уральской руды, Сибирский приказ интересовался его отношением к переселению на Урал.

Тогда Демидов отказался, сейчас же сам обратился в приказ с челобитьем о передаче ему одного из только что построенных там заводов. Указом от 4 марта 1702 года ему был отдан Невьянский завод, принятый его приказчиком от верхотурского воеводы в мае. Сам Никита, как ни стремился, сумел попасть на Невьянский завод только осенью 1702 года. Задержали тульские дела. Оружейная слобода выполняла большой, на 8 тысяч фузей, заказ, по военному времени особенно ответственный. Работа шла медленно, ружья были плохими — часть даже переделывали в Москве. Сибирский приказ, отстранив старосту Оружейной слободы, передал заказ Демидову, старосте же под угрозой вечной ссылки в Азов приказал Никите подчиняться и помогать.

Это дело задержало Демидова в Туле до начала августа -- ведь нужно было и мастеров «пересмотреть», и молодежь к лучшим отдать в обучение, и работу по домам распределить.

Дважды в течение года, в октябре—декабре 1702-го и в октябре — начале ноября 1703-го приезжал Демидов на Невьянский завод. В отсутствие его им управлял сын Акинфий, родившийся в 1678 году. Первая после передачи завода продукция — две пушки и железо — была отправлена в Москву еще в январе 1703 года. Ядра и железо из первой большой партии (42 тысяч пудов) Пушечный двор Москвы принял в сентябре, остальное прибыло позже, весной 1704 года.

Продукция первых уральских заводов — Невьянского и Каменского — сыграла важную роль в преодолении затруднений, возникших в начале Северной войны в связи с прекращением поставок железа из Швеции.

В апреле 1704 года Никита начал хлопотать о перевозе на Невьянский завод своей большой семьи. Последующая его биография связана преимущественно с Уралом. Он строил новые заводы, налаживал работу на них, внес большой вклад в освоение уральских горных богатств.

Одновременно он развивал производство и в центральном районе, в том числе и на первом своем Тульском заводе, отобранном в казну с компенсацией стоимости в 1703 году, но впоследствии возвращенном. Он основал в 1707 году Дугненский (Верхний) завод в Алексинском уезде, который, просуществовав до середины следующего десятилетия, был разрушен половодьем и восстанавливался в 1717 году уже его сыном Никитой Никитичем. Другому сыну, Григорию, еще

при жизни отца принадлежал завод на Тулице в стане Старое Городище. В его основании (1717 или 1719) какое-то участие принимал, возможно, и сам Никита Демидович.

Вероятно, уже в 1697 году Демидов имел деревни в Тульском уезде. Указ от 2 января 1701 года дал ему право покупать земли и крепостных для Тульского завода. Именно к этому периоду относятся первые достоверные земельные приобретения Демидова — в деревне Понарьино Крапивенского уезда. Позднее он скупал землю в Тульском и Нижегородском уездах, на Урале.

В январе 1709 года Демидову был пожалован чин комиссара. Указом от 21 сентября 1720 года он пожалован в дворяне. Герб Демидовых включал изображения, символизировавшие их занятия: в верхней части щита «в поле серебряном три лозы рудоискательные, зеленые, в знак их любопытства в приисканиях металлов», в нижней части — «в поле черном молот серебряный, в знак произведения их трудом и коштом медных и железных заводов».

Демидов был женат на Евдокии Федотовне, умершей в 1730 году, имел сыновей Акинфия, Никиту и Григория. Большая часть заводов и земель после его смерти перешла к старшему сыну Акинфию, продолжившему дело отца.

Умер Никита Демидович 17 (28) ноября 1725 года на 70-м году жизни в Туле, «возвратясь больным с своих уральских заводов», как пишет Афремов. В надгробной надписи говорится, что преставился он на «своих тульских заводах». Это, конечно, еще не позволяет утверждать, что он скончался непосредственно на производстве, но такое понимание текста вполне допустимо.

Место погребения Никиты большинство авторов связывают с церковью Николая Зарецкого, вернее, со старым деревянным храмом, предшествовавшим нынешнему каменному. Многие биографы уверенно указывают на склеп под современной церковью, но вопрос не так прост, как кажется. Но это особая история, к которой автор и редакция «Тулы» намерены обратиться в будущем.

И. ЮРКИН, зав. отделом областного краеведческого музея.

Иллюстрации:

Никита Демидов. Портрет работы неизвестного художника первой четверти XVIII века из Нижнетагильского музея.

Суперэкслибрис второй половины XVIII века, принадлежавший П. Г. Демидову и изображающий герб семьи знаменитых горнозаводчиков. Из собрания научной библиотеки МГУ.

